

Образ Понтия Пилата в литературе

Выполнила:

Алина Трошкина, ученица 11 «Б» класса,

Руководитель:

Наталья Гурьевна Ибрагимова,
преподаватель литературы
негосударственного частного лица «ИСТЭК»

Введение

Актуальность исследования. Прокуратор Понтий Пилат, одна из самых неоднозначных фигур в христианстве, известен тем, что именно он вынес смертный приговор Иисусу Христу. Однако несмотря на то, что он, казалось бы, совершил одно из самых больших злодеяний в мировой истории, вина за это лежит не на нём одном. Более того, существует мнение, что в его положении попросту не было иного выбора, так как казни Христа поспособствовало множество факторов, повлиять на которые прокуратор был не в силах.

В Библии нет информации о душевном состоянии Понтия Пилата. Именно поэтому прокуратор и его решение часто оказывались в центре обсуждений. На первый план выходили такие аспекты, как: мораль, нравственный выбор, человечность, жестокость. А любой сложный выбор вызывает сильные чувства и эмоции: страх, трусость, горе, гнев, ненависть.

В связи с этим Понтию Пилату было уделено много внимания в литературе и кинематографе. Один из самых известных образов этого человека можно найти в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» и в романе Айтматова «Плаха». Именно на эти два произведения и будет опираться это исследование.

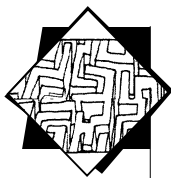
Люди достаточно часто склонны винить в своих бедах и неприятностях власть, государство, ответственных за принятия решений служащих. Фигура Понтия Пилата при первом рассмотрении символизирует как раз таки саму власть, ответственную за принятие неправильного и жестокого решения. Однако эта работа обращает внимание на нравственный выбор каждого человека. Актуальность исследования заключается в рассмотрении проблемы выбора, принятия решения и ответственности за него, которая свойственна для каждого поколения.

Цель: изучение личности Понтия Пилата в библейском сюжете и его интерпретации в искусстве.

Объект: роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и роман Ч.Т. Айтматова «Плаха».

Предмет: образ Понтия Пилата.

Гипотеза: соответствует ли литературный герой историческому прототипу, и как человек, облечённый властью и ответственностью, решает вечные вопросы: «Что такое трусость?» «Что такое предательство?» «Что такое человечность?»

Задачи:

1. Рассмотреть образ Понтия Пилата в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».
2. Рассмотреть образ Понтия Пилата в романе Чингиза Айтматова «Плаха».
3. Провести сравнительный анализ образа пятого прокуратора Иудеи в вышеуказанных произведениях.
4. Изучить проблему нравственного выбора личности.

Методы: анализ литературы по теме исследования, синтез, обобщение, классификация.

Новизна: на сегодняшний день, когда в России не только обратились к вопросам религии, но и где для большинства граждан быть православным верующим становится нормой, интересно вернуться к творчеству двух великих писателей, которые обращались к фигуре Понтия Пилата в СССР.

Примечательно, что Булгаков, работая в 1920–1940 годах, когда абсолютной нормой был атеизм, тем не менее рассматривает библейский сюжет о нравственном выборе Понтия Пилата и вынужден мистифицировать происходящее в сюжете, чтобы избежать прямого обращения к вопросам религии. Тем самым Булгаков становится одним из немногих писателей в то время, творчество которого позволяет читателю хотя бы немного познакомиться с содержанием Библии. В свою очередь, Айтматов работает над романом «Плаха» уже ближе к распаду Советского Союза, когда граждане уходящей страны были почти свободны в своей религиозности. Возможно, поэтому автор создаёт более приземлённые образы главных действующих лиц, как будто они находятся где-то среди нас, близко к простым людям.

Новизна работы заключается в том, что мы сегодня имеем возможность рассмотреть личность Понтия Пилата, не опираясь на религию как догму, и обратиться к его фигуре в первую очередь как к обычному человеку, который должен сделать решающий выбор.

1. Образ Понтия Пилата в Библии

Два тысячелетия назад была создана Библия, но в ней ещё много тайн, одна из которых — день из жизни прокуратора Иудеи, ставший вечностью для самого Понтия Пилата.

Двадцать седьмая глава Евангелия передаёт сюжет о суде, когда «все первосвященники и старейшины народа» требовали от прокуратора Понтия Пилата, чтобы тот «предал смерти» Иисуса. Когда Иисус предстал перед правителем, Пилат осведомился: «Ты Царь Иудейский?» и получил в ответ: «Ты говоришь». Но на дальнейшие вопросы прокуратора и обвинения первосвященников арестованный не реагировал, оставаясь безмолвным. На праздник Пасхи правитель должен был отпустить одного обвинённого. Был тогда известный узник, называемый Варавва; когда народ собрался для принятия решения, Пилат спросил: «Кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву или Иисуса?». Между тем, как сидел он на судейском месте, жена послала ему сказать: «Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него». Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить. Пилат говорит им: «Что же я сделаю Иисусу, называемому Христом?» Говорят ему все: «Да будет распят». Правитель сказал: «Какое же зло сделал Он?» Но они ещё сильнее кричали: «Да будет распят». Пилат, видя, что ничто не помогает, а смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал, что невиновен я в крови Праведника Сего: «Смотрите вы». И, отвечая, весь народ сказал: «Кровь Его на нас и на детях наших». Пилат отпустил им Варавву, а Иисуса предал на распятие. Библия не передаёт переживаний героев, а лишь констатирует случившееся как факт. Именно поэтому понять мысли прокуратора во время суда очень сложно. Однако можно прийти к выводу, что Пилат признавал невиновность Иисуса, но обстоятельства не дали возможности оправдать его.

2. Образ Понтия Пилата в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Один из авторов сборника к столетию со дня рождения Булгакова называет Понтия Пилата главным героем романа «Мастер и Маргарита». Свою точку зрения он обосновывает следующими рассуждениями:

«Мастер и Маргарита» — роман о жизни Понтия Пилата; в композиционном плане роман представляет собой две перекрещивающиеся оси. Одна ось — вертикальная: на верхнем

её полюсе — Иешуа (Христос), на нижнем — Воланд (дьявол), между ними мечется человек — Понтий Пилат. (Ситуация традиционная для мировой литературы). Однако у Булгакова её пересекает другая ось, горизонтальная, и на одном её конце — человек, наделённый даром творчества, — Мастер. По правую руку у него — Христос, т. е. начало добра, позволяющее ему творить. По левую руку Мастера — дьявол, ибо — только дьявольское начало даёт человеку-творцу возможность проникнуть в самые тяжёлые, самые страшные, самые мрачные тайны человеческой души.

На противоположном полюсе данной оси, по мнению критика, — человеческий сор. В центре этого композиционного креста — главный герой романа — Понтий Пилат, безнадежно, безысходно тянущийся ко всем четырём полюсам. Пилат полюбил, но не спас Христа, боясь за своё благополучие, поддаваясь дьявольскому наваждению. С одной стороны, он находится между страхом и любовью, долгом и подлостью. С другой — он крупнейший чиновник, умный и волевой — не талантливый, но и не ничтожество, не творец. Он дважды совершает доброе дело — подвиг не с большой буквы, но и не в кавычках; не Христов и не дьяволов, — подвиг, достойный того положения администратора-солдата, которое он занимает: в обоих случаях он даёт распоряжение убить, посылая человека по следу Иуды и веля ускорить смерть Иешуа. За «пилатизм» — «то есть неспособность совершить подвиг настоящий, полноценный, в котором и речи не было бы о самом себе, о своей судьбе» — и распинает пятого прокуратора Иудеи в самом центре композиционного креста М. Булгаков.

В ряду писателей современников Булгаков стоит как исследователь, сосредоточивший своё внимание на феномене «слома» в человеческой судьбе и психике. И мы видим, как в лице пятого прокуратора Иудеи автор рисует образ человека, переживающего жесточайшую внутреннюю трагедию, человека, раздираемого противоречивыми мыслями и чувствами. Пилат предстаёт перед читателем как грозный и жестокий властелин, он хмур, одинок, бремя жизни тяготит его: «И мысль о яде вдруг соблазнительно мелькнула в больной голове прокуратора».

Булгаков намеренно представляет состояние Пилата как изнурительную болезнь, но выводит болезненное состояние прокуратора за пределы приступа головных болей к ощущению накопившейся усталости от жизни и давно надоевшего

ему дела. Автор испытывает своего героя поступком, требующим свободного волеизъявления.

Читателю становится понятно, что «головные боли» и «видеМния» Понтия имеют под собой отнюдь не медицинскую причину. Проблема заключается в нравственных дилеммах прокуратора от неспособности быть тем, кем он желает быть, говорить то, что он желает говорить и, в конце концов, творить подвиги, на которые не способен.

Так, булгаковский Пилат, находящийся под гнётом обстоятельств, неспособный на великие дела чиновник, не смог спасти обвиняемого, в невиновности которого он сам был полностью уверен, это не соответствует образу грозного, жестокого, волевого руководителя, каким его видят окружающие люди. Подобная двойственность невыносима для него самого, он — человек с расколотым сознанием, «расколотой головой», измученный заложник собственной должности, одинокий и глубоко несчастный человек.

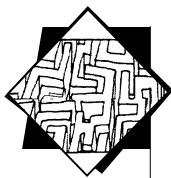
В процессе допроса происходят непостижимые для Пилата события. Привычное соотношение судьи и обвиняемого нарушается, они как бы меняются местами. Иешуа не судит игемона, а, как «великий врач», стремится, избавив его от физических страданий, принести духовное исцеление. Впервые Пилат столкнулся с недоступной пониманию нравственной силой.

— А теперь скажи мне, что это ты всё время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?

— Всех, — ответила арестант, — злых людей нет на свете.

— Впервые слышу об этом, — сказал Пилат.

Его жизненный опыт, мировоззрение, иронический ум сопротивлялись воздействию странных речей философа, — и всё же прокуратор неощутимо для себя становится другим. Необычно, что перемена происходит не во взгляде на жизнь, а в духовной сущности человека. Прежний Пилат до встречи с Иешуа, выслушав дерзкие слова арестанта, вспылал бы гневом (как это происходит с айтматовским римским наместником). Этот же, к изумлению секретаря, даёт приказ: «Развяжите ему руки». Но несмотря на явные изменения, прокуратор не смог оправдать пророка, ведь ему предъявлено второе обвинение, на этот раз об оскорблении Величества. Возник выбор: либо прокуратор спасёт обвиняемого,

нарушив государственный закон и свою обязанность охранять престиж императора, либо отправит на крест «ни в чём не виноватого безумного мечтателя и врача». Но ещё раньше, чем эта дилемма была осознана Пилатом, он сделал свой выбор:

«Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: „Погиб!“, потом: „Погибли!“»

Пилат не смог принять «правильное» решение, возможно, потому, что перемены в нём во время разговора с Иешуа произошли так быстро, что он, человек, которому присущ «самый страшный порок» — трусость, не успел их осознать и обдумать, что было ему необходимо, ведь на кону стояла его карьера.

Впоследствии он, конечно, пожалеет о своём выборе, о чём Булгаков говорит открыто. Ночью, после казни, Пилату снится сон, в котором они с Га-Ноцри поднимаются к луне и говорят о трусости, повлиявшей на решение прокуратора:

«Но, помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудей?»

Однако тут же к нему приходит осознание:

«Разумеется, погубит. Утром бы ещё не погубил, а теперь, ночью, взвесив всё, согласен погубить. Он пойдёт на всё, чтобы спасти от казни решительно ни в чём не виноватого безумного мечтателя и врача!».

Таким образом, Понтий Пилат Булгакова предстаёт перед читателем скорее мучеником, нежели убийцей и мучителем. Он проводит свою жизнь в страданиях от того, что он, являясь человеком сильным, умным и способным на великие поступки, не в состоянии эти поступки совершить.

3. Образ Понтия Пилата в романе Чингиза Айтматова «Плаха»

Айтматовский Понтий Пилат отличается от булгаковского, в частности, тем, что он не страдает от внутреннего конфликта. Понтий Пилат в романе «Плаха» — это сильный прагматичный атеист, отчаянно верящий в могущество Рима. Именно такой собеседник идеально подходит Иисусу Христу, так как является его полной противоположностью. Мы можем проследить за крайне интересным диалогом двух лю-

дей, являющихся представителями полярных позиций во всём, начиная с убеждений, закачивая социальным уровнем и положением палача и жертвы:

« — Не знаю, не пойму, кто и почему тебе верит.

— Мне верят те, кого толкают ко мне притеснения, вековая жажда справедливости.

— Не ищи дураков. Вот теперь я убеждаюсь окончательно, что твоё место на кресте, только смерть может унять тебя.

— Ты ошибаешься, правитель высокий, смерть бессильна перед духом.

— Признай, что лжепророк, не уверяй, что ты царь Иудейский.

— Зачем я буду отрекаться от учения Господа таким образом, чтобы тебе и кесарю было выгодно, а истина страдала?

— Не темни. Что выгодно для Рима, то превыше всего.

— Превыше всего истина, а истина одна — не пристало отрекаться от того, что сказано во имя истины. И второе — не пристало брать грех на себя за несодеянное, чтобы от молвы отбелиться.

— Но прежде умрёшь ты. Итак, ты идёшь на смерть, какой бы ни был путь к спасению?

— К спасению мне только один путь оставлен.

— К какому спасению?

— К спасению мира».

Этот диалог интересен также и тем, что прокуратор и пророк не только имеют абсолютно противоположные суждения о мире, но и находятся в полярных позициях палача и жертвы. Однако даже такой человек не лишён где-то в глубине души сострадания к Иисусу, но эти чувства у Пилата настолько глубинные и искажённые, что это больше похоже на любопытство. Прокуратор то и дело ставит себя на место осуждённого, размышляет о нём.

В некоторой растерянности продолжает Пилат вопросы этому нелепому человеку:

« — Допустим, твоё учение верно, тогда скажи: когда наступит тот день второго твоего пришествия? И если ожидание будет длиться долго, невообразимо долго, то зачем это человеку? Ведь в том, что не исполнится в течение жизни, для него мало проку.

— То, что второго пришествия ждать придётся долго, это верно. Но суть в другом. Создатель наделил нас высшим благом в мире — разумом. Как распорядимся мы небесным даром, в этом и будет история человечества. А посему — как долго ждать придётся того дня, в который ты не веришь, правитель, зависеть будет от самих людей».

Пилата злит и раздражает, что он приписывает Иисусу те помыслы, которые

втайне, конечно же, не надеясь на осуществление, лелеет сам. Он чувствует одновременно ненависть и интерес к обвинённому, поэтому решает ставить себя на его место, чтобы выяснить до конца, чем грозили римской власти мысли и действия этого жалкого иудея. Во время допроса он гневается всё сильнее и сильнее от откровенности и неуважения Иисуса, повышает голос до сипоты, лицо искажается от удивления и покрывается пятнами.

Айтматов представляет прокуратора негодующим и оскорблённым: за желчными и жёсткими словами Понтий пытается спрятать раздражение на самого себя за медлительность и необъяснимую нерешительность по поводу утверждения приговора Иисусу. Поражаясь тому, как упрямо Иисус отстаивает то, что, по мнению Пилата, является неразумным, ему любопытно понять, как можно пойти на смерть ради совершенно бредовых идей, ради Бога, который, честно говоря, — лишь теория. Вот он, прокуратор, знает наверняка, что самое ценное — жизнь, а прожить её надо именно так, как предписывают высокопоставленные люди. И тут перед ним предстаёт нечто необъяснимое, не укладывающееся в его голове, и как минимум по тому одному не имеющее право на существование. Мысленно Пилат находит согласие с собой, успокаивается, ведь ему не придётся вести неприятных разговоров с первосвященником, который открыто требует утвердить казнь Иисуса. Хоть он и ужасается от одной мысли о «распятии на кресте», он не предпринимает никаких реальных действий, чтоб помочь Иисусу, а скорее наоборот, чувствует облегчение, так как считает, что всё, что зависело от него, он сделал. Умывает руки и отдаёт мирного философа в жертву «гнусному» народу, который ждёт жертвы.

Понтий Пилат Айтматова не казнил Иисуса, не приговаривал, поскольку решение было принято ещё до прокуратора синедрионом, он даже не судил, это на совести первосвященника, — он всего лишь согласился.

4. Разница между образами Понтия Пилата у Айтматова и Булгакова, в Библии

Интересно, что у двух писателей представления о Понтии Пилате серьёзно расходятся. Так, у Булгакова это хоть и больной, несчастный, но справедливый и в глубине

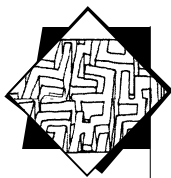
души совестливый человек, у Айтматова же, наоборот, сильный и уверенный в себе прокуратор не имеет тех моральных принципов, которыми наделён булгаковский Пилат. Именно поэтому для Понтия Пилата в «Мастере и Маргарите» вынести приговор невиновному — сложнейшие испытание, он испытывает жалость к пленнику и даже приказывает принести ему намоченную в воде губку на конце копья, а затем и вовсе быстрее закончить мучения пророка, а Понтий Пилат в «Плахе», хотя и содрогается при мысли о распятии, всё же довольно охотно отдаёт пророка толпе, в общем-то соглашаясь с ними.

Диалог-допрос играет большую роль как в толковании библейского сюжета, так и в раскрытии личности прокуратора. При помощи детализированного диалога между Понтием и Иисусом (Иешуа) авторы показывают свою трактовку и видение библейского сюжета, чего не даёт нам Библия, в связи с тем, что судит беспристрастно. Булгаковский Пилат сидит как каменный, едва двигая губами, так как страдает от недуга, «непобедимой, ужасной болезни, от который нет спасения» — «адской» головной боли. Однако страдания, усталость наместника Иудеи сделали его открытым к восприятию слов Иешуа и духовного события, чем ему обернётся встреча с пророком. А гнев он испытывает по большей части из своего бессилия.

В то же время гнев Пилата у Айтматова — реакция на дерзость и неразумность обвиняемого.

Арестованный в глазах прокуратора в «Плахе» — «шут и чудака», и в то же время «умный, хитрый, коварный, ведущий свою игру». Римский же наместник Булгакова сразу разглядел за внешностью бродяги умного и рассудительного человека. Хотя называет подсудимого «лгуном», сам в это не верит и поэтому призывает Иешуа «не притворяться глупым».

В произведении Айтматова даже произошла попытка остановить непреклонного Пилата от принятия неверного решения: жена отправила ему записку с просьбой не причинять непоправимого вреда скитальцу, что соответствует случившемуся в Библии. В произведении Булгакова же напротив, уже решивший отпустить подсудимого Пилат узнаёт, что Иешуа обвиняют в оскорблении Величества, что и послужило причиной трусости прокуратора, что впоследствии привело к вечному наказанию бессмертием.

Ещё одним немаловажным фактором для раскрытия настроения в обоих произведениях является образ птиц. В «Плахе» — это птица-хищник, «не то коршун, не то орёл», зловеще паривший над дворцом Ирода Великого. Стремительность и злоба характеризуют коршуна как знак надвигающейся беды, орёл — символ царственного одиночества. В «Мастере и Маргарите» не раз появляется ласточка. В мифологии образ этой птицы трактуется по-разному: часто это вестница надежды, добра, возрождения. Также имеет место быть мнение, что ласточка — воплощение Христа. Птица появляется в крайне важные моменты: когда прокуратор придумывает, как спасти Иешуа, ласточка влетает в колоннаду, делает круг, а её крылья почти касаются головы Понтия. Когда приговор был вынесен, ласточка только впорхнула на балкон.

Одно из объяснений подобной двойственности образов в интерпретации двух писателей, как мне кажется, лежит в воспитании каждого из них и периода, в который они писали свои произведения. Хотя с первого взгляда это может выглядеть как парадокс, потому что воспитанный в семье партийного рабочего Айтматов даёт более близкий к библейскому образ прокуратора, нежели воспитанный в семье представителя духовенства Булгаков. Однако же, на мой взгляд, всё дело как раз таки в том, что хорошо знакомый с религией Булгаков мог позволить себе некоторые расхождения, потому что просто ссылался и по-иному раскрывал библейские сюжеты в своих произведениях, расставляя акценты там, где ему этого хотелось, обращая внимание читателя на важные для раскрытия моменты. В то же время Айтматов писал в более позднее время и хоть и называл себя открыто атеистом, возможно, создавал очень близкие к оригинальным библейским образы для того, чтобы напомнить читателю

о том, что общество на тот момент слишком увлеклось бездуховностью и что всё же стоит отдать дань уважения библейским сюжетам.

Заключение

Айтматов совершенно по-новому для нас трактует библейский сюжет, считая даже косвенное участие в недобром деле безнравственным и жестоким, тем самым осуждая римского наместника. Автор придерживается мнения, что самый тяжкий «грех» — это быть ничего не предпринимающим зрителем, что делает человека полноценным соучастником, подстрекателем в страшных поступках, и за это человеку никогда не отмыть ни руки, ни душу.

Булгаков считает, что нравственный закон, заключённый внутри человека, не должен зависеть от страха перед грядущим возмездием. Писатель рисует психологический портрет Пилата, показывает трагедию человека, облечённого властью и имеющего реальную силу защитить того, в ком «состава преступления не нашёл». Пилату жаль Иешуа. Фигуры обоих споривших трагичны. Один казнён, пройдя через физические и нравственные испытания. Другой — осознал себя участником преступления, отступившись от Бога и истины, погиб как личность. ☞

Список использованных источников

1. Библия. Любое издание.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Любое издание.
3. Айтматов Чингиз. Плаха. Любое издание.
4. Булгаковская энциклопедия [Электронный ресурс]. <http://www.bulgakov.ru/>.
5. Гуревич П.С. Религиозные сюжеты Ч. Айтматова: жертвенность или духовность? (К 30-летию выхода романа «Плаха» в свет) // Филология: научные исследования. 2015. № 3. С. 200–204.